

специалистов о допустимости привлечения к ответственности за экологические преступления и в случае неосторожного причинения здоровью человека вреда средней тяжести¹².

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 11 изд., перераб. / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2016. (автор комментария – Э. Н. Жевлаков). С. 615, 617.

Reference

1. Kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. 11 izd., pererab. / otv. red. A. I. Rarog. M. : Prospekt, 2016. (avtor komentariya – EH. N. ZHevlakov). S. 615, 617.

СООТНОШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ

Безверхов Артур Геннадьевич,

декан юридического факультета

Самарского национального исследовательского
университета имени академика С. П. Королева,

доктор юридических наук, профессор

443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

***Аннотация.** В статье анализируются методологические и юридико-технические проблемы соотношения экологических преступлений и административных экологических правонарушений*

¹² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 11 изд., перераб. /отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2016. С. 615, 617 (автор комментария – Э. Н. Жевлаков).

на основе действующего уголовного и административного законодательства Российской Федерации. Акцентируется внимание на понятии «соотношение» в ряду научно-философских категорий. Выявляются социально-правовые основания соотношения правонарушений в области комплексной публично-правовой охраны окружающей среды.

Ключевые слова: экологическая безопасность, охрана окружающей природной среды, экологические преступления, административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, соотношение правонарушений.

CORRELATION OF CRIMES AND ADMINISTRATIVE OFFENCES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION: ISSUES OF METHODOLOGY AND PRACTICE

Artur Bezverkhov,
Dean of the Faculty of Law
Samara national research University
named after academician S.P. Koroleva,
Doctor of Law, Professor,
443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34

Annotation. The article analyzes the methodological and legal-technical problems of correlation between environmental crimes and administrative environmental offenses on the basis of the current criminal and administrative legislation of the Russian Federation. Attention is paid to the concept of “ratio” in a number of scientific and philosophical categories. Social and legal bases of correlation of offenses in the field of complex public and legal environment protection are revealed.

Keywords: environmental safety, environmental protection, environmental crimes, administrative offenses in the field of environmental protection and environmental management, the ratio of offenses.

1. Понятие «соотношение» в ряду научно-философских категорий. История науки свидетельствует об универсальном характере понятия «соотношение». Прежде всего, эта категория появилась в понятийном аппарате точных дисциплин (математика, физика, химия и др.). Так, широко распространено понятие «соотношение» в химии, где одним из химических свойств веществ является их молекулярный состав (соотношение масс химических элементов в веществе) ¹³.

В науках гуманитарного цикла понятие «соотношение» остается малоисследованным, обращаясь совместно с другими – синонимичными или смежными – категориями.

Так, известно, что фундаментальной категорией философии является «отношение». Понятие об отношениях возникает как результат сравнения любых двух предметов или объектов по заданному основанию сравнения (признаку). Отношение обозначает любое понятие, реальным коррелятом которого является определенная связь (соотнесение) двух и более предметов.

Эта философская категория характеризует взаимозависимость элементов определенной системы, которая носит объективный и универсальный характер. Как утверждают философы, в мире существуют только вещи, их свойства и отношения, которые находятся в бесконечных связях с другими вещами и свойствами [1]. При этом отношения между вещами столь же реальны, как и сами вещи, – в том смысле, что нет вещей вне каких-либо отношений и нет отношений, которые не связывали бы какие-либо вещи (явления, события, процессы и т. п.). Реальность отношения можно понимать и в том смысле, что если основание сравнения произвольно, то и отношение как результат сравнения по данному основанию также произвольно, его онтологический статус в данном случае выражается в существовании основания (при этом само отношение можно рассматривать как свойство этого основания).

¹³ Укажу также на закон действующих масс, который устанавливает соотношение между массами реагирующих веществ в химических реакциях при равновесии, а также зависимость скорости химической реакции от концентрации исходных веществ. Назову еще корреляционные соотношения, которые характеризуют эмпирически устанавливаемые зависимости между различными свойствами одного ряда химических соединений и параметрами структуры, среды или свойствами того же или другого ряда соединений.

Считается, что термин «отношение», отражающий как способ бытия, так и познания, связь между определенной сущностью и тем, что с ней соотнесено, был введен в философию Аристотелем. Этот ученый писал, что нечто «есть то, что оно есть» лишь «в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому» [2]. Для соотнесенного существовать – значит находиться в каком-либо отношении к другому. По Аристотелю, сущность есть условие возможности отношений [3].

Философская категория «отношение» тесно связана с понятием закона как выражением существенных отношений между вещами, явлениями, их свойствами. Научное познание раскрывает сущность того или иного феномена, закономерности его эволюции через выявление его отношений с внешней средой.

Между тем отдельные ученые-философы исследуют и саму категорию «соотношение». По их мнению, соотношение состоит из таких элементов, как носители соотношения, основы соотношения и результат соотношения. Самостоятельным компонентом структуры соотношения является среда соотношения. При этом значительная часть самоотнесенностей, по Г. Д. Левину, сводится к бинарным соотношениям [4, с. 11, 37, 98].

Основа соотношения, как правило, совпадает со свойствами исследуемых сущих. При этом более правильным «является положение об общности основы соотношения для обоих ее носителей, в силу чего невозможно установить соотношение между вещами, участвующими в нем различными своими свойствами» [5, с. 17, 30]. Соотносить можно только однородные предметы и мысли, если же в природе двух вещей или идей нет ничего общего, то само различие и сходство между ними становится бессмысленным. Если момент общности обоих сущих представлен в содержании основы соотношения, то момент отличия обоих сущих представлен в понятии результата соотношения. И в этом случае следует согласиться, что «результат соотношения есть отличие обоих сущих, участвующих в соотношении» [6, с. 29, 32].

Как представляется, категория «соотношение» в философском ключе представляет собой одно из основных выражений «отношения».

2. Категория «соотношение» и наука логики. К моменту начала исследования философского аспекта «отношения» логика активно разрабатывала категорию «сравнения». В логике сравнение – это один из основных приемов познания, при котором происходит уподобление одного предмета или явления другому по какому-либо общему для них признаку.

Сама «операция сравнения с логической точки зрения репрезентуется суждениями отношения (или релятивными суждениями)» [7]. Познание любого предмета и явления начинается с того, что человек отличает его от всех других предметов и устанавливает его сходство с родственными предметами. Познание есть процесс, в котором различие и сходство находятся в неразрывном единстве [8]. Цель сравнения – выявить в объекте соотношения новые, важные, преимущественные для субъекта познания свойства. В сравнении выделяют сравниваемый предмет (объект сравнения), предмет, с которым происходит сопоставление (средство сравнения), и их общий признак (основание сравнения, сравнительный признак, лат. *tertium comparationis*).

Утверждается, что нельзя образовать ни одного самого простейшего понятия, не обратившись к этому логическому приему. Без сравнения невозможно познание не только простейших, но и самых сложных явлений как природы, так и общества. Как уже отмечалось, в результате сравнения нескольких предметов или явлений имеется возможность установить общие свойства, признаки, присущие данным предметам или явлениям. Выявление же общих черт исследуемого класса вещей является первой ступенью в познании закономерности развития этого класса. Закон, прежде всего, есть всеобщее в окружающих человека явлениях.

В логике сравнение применяется не только в процессе обобщения, но и в умозаключениях по аналогии, в индукции, традукции, дедукции. Получение правильного вывода в результате сравнения зависит от строгого соблюдения ряда необходимых условий логического сравнения. (1) Сравнить следует только однородные понятия, которые отражают однородные предметы и явления объективной действительности. (2) Сравнить предметы надо по таким признакам, которые имеют важное, существенное значение [9]. Познать явление – это не только найти сходство и различие его с другими

явлениями. Познать явление – это определить его внутреннюю сущность. Как заметил Гегель, «одно лишь сравнение не может дать полного удовлетворения научной потребности и... достигнутые этим методом результаты должны рассматриваться как только подготовительные, хотя и необходимые, работы для подлинно постигающего познания. Поскольку при сравнении дело идет о том, чтобы свести имеющиеся налицо различия к тождеству» [10].

Сравнение как логический прием применяется в том случае, когда интересующее нас понятие можно сопоставить с другими понятиями, похожими на него, в результате такого сопоставления лучше уяснить данное понятие. С учетом сравнительного метода в логике различаются понятия совместимые (сравнимые) и несовместимые (несравнимые). Первые имеют общие признаки, что дает возможность сопоставлять их. Вторые не имеют общих признаков, их сопоставление лишено смысла [11].

Между объемами двух сравнимых понятий имеет место одно из следующих отношений: (1) равнозначности (тождественности), (2) перекрещивания (пересечения), (3) подчинения (субординации), (4) исключения – соподчинения (координации), противоречия и противоположности. При этом равнозначными признаются понятия, объемы которых полностью совпадают. В отношении перекрещивания вступают понятия, объемы которых совпадают частично. При подчинении объем одного понятия целиком поглощает объем другого понятия. Понятия, которые являются видами одного и того же рода и объемы которых исключают друг друга, давая весь объем родового понятия, именуются противоречащими. В отношении противоположности (контрарности) находятся объемы таких двух понятий, которые являются видами одного и того же рода, и притом одно из них содержит какие-то признаки, а другое эти признаки не только отрицает, но и заменяет их другими, исключаящими (т. е. противоположными признаками), не давая при этом всего объема родового понятия. Соподчинение – отношение между объемами двух или нескольких понятий, исключаящих друг друга, но принадлежащих некоторому, более общему родовому понятию [12, с. 34–35].

3. Социально-правовые основания соотношения правонарушений в области охраны окружающей среды. Проблема

соотношения преступного и непроступного имеет множество аспектов: различие и сходство преступного и непроступного правонарушения вообще, разграничение преступлений и иных правонарушений тех или иных родов и видов, допустимость идеальной совокупности преступлений и других правонарушений и т. д.

Проблема обусловлена также активизацией противодействия экологическим правонарушениям. Так, в январе – декабре 2016 г. было зарегистрировано 23,7 тыс. экологических преступлений¹⁴. В январе – ноябре 2017 г. зарегистрировано свыше 22 тыс. экологических преступлений, что на 3,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года¹⁵.

Особое внимание обращает на себя взаимодействие норм уголовного и административного права в сфере экологии, которое складывается в процессе охраны экологического порядка от противоправных посягательств, а также предупреждения экологических преступлений и проступков. Оно выражается в одновременном и совместном действии уголовно-правовых и административно-правовых норм, запрещающих то или иное социально негативное поведение в области экологических отношений.

Итак, один из аспектов проблематики – соотношение экологических преступлений и проступков, преступлений и административных правонарушений в области экологических отношений. Такое соотношение – следствие того, что экологическая безопасность защищается правовыми средствами неодинаковой отраслевой природы. Разные стороны и грани этого социально-правового блага одновременно и совместно охраняются административным и уголовным правом. Существование взаимных и многообразных соотношений между нормативными положениями уголовного и административного законодательства – фактор, требующий учета в процессе правотворчества. Межотраслевое взаимодействие правовых норм и их структурных элементов оказывает немаловажное влияние и на процесс применения каждой из взаимодействующих норм. При этом под межотраслевым взаимодействием правовых норм в сфере экологии следует понимать устойчивые и гетерогенные взаимосвязи между нормативными предписаниями различной

¹⁴ См.: URL:https://мвд.рф/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf.

¹⁵ См.: URL:<https://мвд.рф/folder/101762/item/11830347/>.

отраслевой принадлежности о правах и обязанностях участников экологических отношений.

В свете вышеизложенного заметим, что экологические преступления и административные правонарушения в области охраны окружающей среды могут находиться друг с другом в различных логических соотношениях. Так, составы экологических преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды могут находиться в отношении «подчинения», когда общее понятие того или иного вида экологического административного проступка охватывает один или несколько составов экологических преступлений.

Например, «нарушение правил охоты», описанное в ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ, охватывает собой составы преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ «Незаконная охота».

Еще один пример. Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство», объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.37 КоАП, образуют действия (бездействие), выразившиеся в несоблюдении или ненадлежащем соблюдении правил, регламентирующих рыболовство, за исключением случаев, когда такие действия (бездействие) подлежат квалификации по ч. 2 ст. 8.17 КоАП либо по ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258¹ УК.

Там же разъяснено, что действия (бездействие), совершенные в пределах внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа, исключительной экономической зоны Российской Федерации или открытого моря и выразившиеся в нарушении правил и требований, регламентирующих рыболовство в их пределах, образуют объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.17 КоАП, если эти действия (бездействие) не содержат признаков уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 253, ст. 256 или 258¹ УК.

Объемы понятий других смежных деликтов могут частично совпадать, т. е. находиться друг с другом в отношении перекрещивания,

пересечения – к примеру, составы правонарушений, содержащихся в ч. 1 ст. 8.13 КоАП РФ¹⁶ и ч. 1 ст. 250 УК РФ¹⁷.

Глубокое знание логического метода сравнения имеет важное значение для наук правового цикла. Юридическим наукам свойственен исторический метод познания, в основе которого лежит сравнение текстов уголовных законов во времени. Только проследив историю развития той или иной системы уголовно-правовых предписаний, возможно более глубоко уяснить современное состояние, оценить эффективность и превентивную способность уголовного законодательства в области предупреждения соответствующих преступных посягательств. Важным приемом познания правовой материи является и сравнение действующих законов, так сказать, в пространственных характеристиках – юридическая компаративистика, изучающая правовые системы различных государств путем сопоставления их одноименных правовых институтов, основных принципов и категорий.

Проблематика соотношения является весьма актуальной и для действующего отечественного права и законодательства. При этом она имеет два аспекта – внутриотраслевой (например, систематика уголовного права, его частей, институтов и норм) и межотраслевой (в частности, комплексное взаимодействие уголовного права с другими отраслями права и законодательства). Это обстоятельство обусловлено тем, что современной правовой действительности присущи тенденции дифференциации, обособления, деления права и законодательства на автономные части – отрасли, подотрасли, институты и пр. В этой связи разграничение права на частное и публичное, разделение законодательства на ряд отраслевых ветвей, дробление отраслей на юридические институты, расчленение институтов на подинституты и нормы, наконец, разложение нормы на структурные элементы (гипотезу, диспозицию, санкцию) представляет собой столь

¹⁶ Напомню содержание абз. 1 ч. 1 ст. 8.13 КоАП РФ: «Нарушение водоохранного режима на водосборах водных объектов, которое может повлечь загрязнение указанных объектов или другие вредные явления».

¹⁷ Воспроизведу содержание абз. 1 ч. 1 ст. 250 УК РФ: «Загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству».

же естественный и необходимый процесс, как и взаимодействие в правовом мире. При этом тенденции дифференциации, обособления, деления правовых явлений и процессов всё более усиливаются.

В указанные процессы размежевания включено современное уголовное и административное право России. В условиях всеобщей взаимосвязи эти отрасли стремятся сохранить автономность, самостоятельность, так сказать, собственное «лицо», не «раствориться» в смежных частях правовой системы.

Одновременно в административном и уголовном праве выражена устойчивая тенденция к межотраслевому взаимодействию, интеграции. Стремление к межотраслевому «сотрудничеству» коренится в самой природе этих отраслей, способных полноценно существовать и развиваться лишь в правовой системе и «обреченных» комплексно действовать как друг с другом, так и иными отраслями законодательства.

Действие КоАП РФ и УК РФ в условиях межотраслевой интеграции и дифференциации порождает вопрос о соотношении (взаимовлиянии и различении) преступного и административно наказуемого противоправного поведения. Этот вопрос связан необходимостью всесторонней, комплексной правовой охраны общественных отношений от преступлений и административных правонарушений. А отношений, которые требуют комплексной охраны, много, если не сказать большинство (имущественные отношения, управленческие отношения, отношения по обеспечению общественного порядка, безопасности движения и эксплуатации транспорта, наконец, экологической безопасности).

Очевидно, что данный вопрос требует своего разрешения в процессе совершенствования норм об ответственности за экологические правонарушения и установления правовых запретов социально опасных видов нарушений в области охраны окружающей среды.

4. Комплексная публично-правовая охрана окружающей среды. Как уже было замечено ранее, правовая охрана экологии представляет собой ту область юридической материи, в границах которой складывается взаимодействие, прежде всего между отраслями публичного права. Здесь совместно действуют нормы уголовного и административного права. Их взаимоотношение складывается в процессе предупреждения экологических правонарушений и выражается

в одновременном системном действии уголовно-правовых и административно-правовых норм, запрещающих то или иное социально негативное поведение в экологической сфере. При этом правоохранительные нормы, включенные в комплексное межотраслевое взаимодействие, должны быть так законодательно выражены, чтобы получить возможность действовать параллельно и совместно, тем самым обеспечивая всестороннюю защиту одному и тому же виду экологических отношений.

Комплексная правовая охрана окружающей среды – одно из наиболее эффективных юридических средств противодействия преступности и иным противоправным посягательствам в сфере экологии.

В свете вышеизложенного следует различать комплексные связи, складывающиеся между диспозициями правоохранительных норм уголовного и административного права. Если несколько таких норм действуют одновременно, в комплексе друг с другом, содержание их диспозиций должно быть близким, сходным по значению. При этом сходство не должно быть полным, тождественным: диспозиция одной нормы не должна дублировать, копировать или повторять соответствующие предписания иной отраслевой принадлежности. Иначе их невозможно было бы различить, что привело бы к дезориентации правоприменителя, к ошибкам при квалификации содеянного. Необходимая совместимость в требованиях уголовно-правовых и административно-правовых запретов достигается путем указания в законодательстве и (или) правоприменении основания различения сходных составов экологических нарушений.

В соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», разграничение незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и нарушений правил охоты (ч. 1–1³ ст. 8.37 КоАП) осуществляется по таким признакам, как причинение крупного ущерба, применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, совершение деяния в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена, либо на особо охраняемой природной территории, в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации.

Объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.37 КоАП, образуют нарушения правил охоты, не указанные в диспозициях ч. 2 ст. 7.11, ч. 1² и 1³ ст. 8.37 КоАП. Такие действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 8.37 КоАП в случае, если они не были совершены повторно в течение года (ч. 1¹ ст. 8.37 КоАП) и не содержат признаков преступлений, предусмотренных ст. 258 и 258¹ УК.

Не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1² ст. 8.37 КоАП, объективная сторона которого выражается в осуществлении охоты недопустимыми для использования орудиями охоты или способами охоты, осуществление незаконной охоты с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей, поскольку ответственность за такое деяние предусмотрена п. «б» ч. 1 ст. 258 УК.

Отвлечение от детальных аспектов научного обсуждения, от конкретики теоретических предложений позволяет выделить два кардинально различных направления видения решаемого вопроса, два подхода к соотношению уголовных и административных правонарушений – так называемого количественного и качественного различия.

В одной из моделей разграничения рассматриваемых типов поведения не усматривается кардинального различия между экологическим преступлением и административным проступком в сфере экологии. В основе разграничения названных нарушений лежит критерий так называемого количественного различия – степень общественной опасности содеянного [13]. Другими словами, преступление отличается от административных правонарушений не наличием общественной опасности, а лишь ее более высокой степенью, размером. Сторонники этого подхода признают уголовные и административные правонарушения однородными по своей сути посягательствами, каждое из которых обладает свойством общественной опасности.

Согласно другому видению, речь идет о кардинальном различии экологических преступлений и административных проступков, что обусловлено качественно различной социально-правовой природой последних. Здесь преступления – это общественно опасные

деяния, а проступки – социально вредные (вредоносные) нарушения. Сторонники второго направления считают, что общественная опасность есть отличительный признак преступных посягательств. По этому вопросу В. Н. Кудрявцевым замечено: «Всякое правонарушение причиняет ущерб, наносит вред обществу. Но качество общественной опасности как характеристики особенно тяжкого вреда присуще лишь преступлению, отличая его от иных правонарушений» [14]. Н. Ф. Кузнецова писала: «Преступления отличаются... от других правонарушений по общественной опасности. Последняя выступает социальным свойством исключительно преступлений. Несмотря на то, что непроступные правонарушения тоже в определенной степени вредоносны, характер и степень этой антисоциальности никогда не достигает степени криминальной, именуемой в законодательстве общественной опасностью» [15].

Как видно, критериями разграничения здесь выступают характер и степень общественной опасности указанных уголовных правонарушений и вредоносность проступков. Согласно второму подходу, основанием отграничения экологических преступлений от административных деликтов в сфере экологии не может являться лишь степень общественной опасности содеянного. В противном случае трудно объяснить положение, в соответствии с которым грань между разными видами преступлений представляется более определенной и менее проницаемой, чем между преступными деяниями и административными правонарушениями. Степень общественной опасности позволяет разграничивать однородные преступления как деяния, одинаковые по характеру общественной опасности, но не может рассматриваться в качестве основного критерия, отличающего преступные посягательства от проступков в области охраны окружающей среды. Предложение разграничивать рассматриваемые нарушения по степени их общественной опасности означает, что основным показателем, определяющим такую степень, являются последствия деяния, точнее, их вид и размер. Однако характер причиненного вреда определяется видом общественных отношений, на которые направлено преступление, что свидетельствует о неразрывной связи между последствиями и объектом посягательства. Преступный результат произведен от последнего, на котором он и отражается. Даже сам механизм причинения вреда зависит от того,

в какой сфере общественных отношений осуществлено преступное посягательство.

Второй подход опирается на положения действующего законодательства России. Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное этим кодексом под угрозой наказания. Тогда как, в соответствии с ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Исходя из ст. 25 УК РФ, преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Согласно же ст. 2.2 КоАП РФ, административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично.

Такой подход поддерживается в правоприменении. Согласно абз. 3 п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», при разграничении преступления, предусмотренного ст. 260 УК, и административных правонарушений, ответственность за которые установлена ч. 1 и 2 ст. 8.28 КоАП, необходимо учитывать, что квалификации по указанным частям ст. 8.28 КоАП подлежит допущенное лицом повреждение лесных насаждений, которое не привело к прекращению их роста,

независимо от размера причиненного ущерба, либо повреждение лесных насаждений до степени прекращения их роста при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных п. «а» и «в» ч. 2 ст. 260 УК, если размер причиненного ущерба не достиг размера, определяемого в качестве значительного в соответствии с примечанием к ст. 260 УК.

В соответствии с п. 25 этого же постановления Пленума Верховного Суда РФ, в случаях нарушения требований правил пожарной безопасности в лесах следует разграничивать преступления, предусмотренные ст. 261 УК, и административные правонарушения, ответственность за совершение которых установлена ст. 8.32 КоАП. Если нарушение правил пожарной безопасности в лесах, расположенных вне лесопарковых зеленых поясов, не повлекло возникновения лесного пожара, уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений, а также не было совершено в условиях особого противопожарного режима, такое действие (бездействие) образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.32 КоАП.

Выжигание хвороста, лесной подстилки, сухой травы и других лесных горючих материалов с нарушением требований правил пожарной безопасности на расположенных вне лесопарковых зеленых поясов земельных участках, непосредственно примыкающих к лесам, защитным и лесным насаждениям и не отделенных противопожарной минерализованной полосой шириной не менее 0,5 метра, не повлекшее уничтожения или повреждения лесных насаждений, подлежит квалификации по ч. 2 ст. 8.32 КоАП.

Если же нарушение правил пожарной безопасности в лесах повлекло возникновение лесного пожара, но при этом последствия в виде уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений не наступили, содеянное не образует состава преступления, предусмотренного ст. 261 УК, и подлежит квалификации по ч. 4 ст. 8.32 КоАП (при условии, что совершенные действия (бездействие) не повлекли причинения тяжкого вреда здоровью человека).

Система воззрений, отождествляющих природу рассматриваемых противоправных деяний, обуславливает опасные тенденции в нормотворческом и правоприменительном процессах. Во-первых, «растворая» специфичность данных типов поведения, она

дезориентирует законодателя, позволяя последнему произвольно расширять или сужать область экологических преступлений за счет административных нарушений в области охраны окружающей среды, и наоборот. Это ведет к пренебрежению объективными пределами уголовно-правового нормотворчества. Во-вторых, данное обстоятельство влияет и на деятельность правоприменителя, вызывая нежелательные явления в практике последнего, например, «эффект замещения» при применении принудительных мер – привлечение к уголовной ответственности вместо административной, и наоборот.

5. Юридино-технические проблемы соотношения экологических преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды. Для правоприменительной практики крайне важна ясность в различении преступлений и административных правонарушений в указанной области жизнедеятельности социума. Однако вопрос о различении экологических преступлений и проступков относится к числу слабо разработанных в теории права и не получил достаточно четкого решения в законодательстве и правоприменении.

Прежде всего это касается самой терминологии. Уголовное право оперирует такой конструкцией, как «экологические преступления», а административное – «административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

Сопоставимость не во всем свойственна и таким более частным эколого-правовым категориям, как «незаконная охота», «нарушение правил пользования объектами животного мира» и «нарушение правил охоты», «порча земли» и «порча земель», «загрязнение атмосферы» и «нарушение правил охраны атмосферного воздуха».

Говоря о различении с социально-правовой стороны экологических преступлений и проступков по характеру и степени общественной опасности/вредоносности, необходимо иметь в виду, что юридико-технический аспект вопроса соотношения указанных правонарушений – их разграничение. Это означает их различение по признакам четырех элементов состава правонарушения. При этом одним из основных критериев отграничения экологических преступлений от проступков выступает прежде всего объект правонарушения, поскольку он призван отличать противоправное от

правомерного, в том числе и в сфере охраны окружающей среды, и отграничивать преступные деяния от иных типов отклоняющегося поведения в экологической сфере.

Однако объект не может служить разграничительным признаком и отделять экологические преступления от административных проступков в указанной области во всех без исключения случаях. Дело в том, что в современном законодательстве России общественным отношениям в сфере охраны природных ресурсов, как уже говорилось ранее, обеспечена комплексная охрана посредством как уголовного, так и административного, гражданского, трудового и других отраслей права и законодательства [16]. Так, административное законодательство защищает экологию с помощью правовых норм, описанных в главе 8 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» КоАП РФ. Такое положение дел объяснимо: в ряде случаев преступления и административные правонарушения в сфере экологических отношений независимо от характера, степени опасности и вредоносности посягают на один и тот же объект – экологическую безопасность.

В таких случаях различие между названными преступлениями и административными нарушениями проводится по другим признакам состава правонарушения.

Весь процесс квалификации состоит в последовательном отграничении каждого признака совершенного деяния от признаков других, смежных нарушений. Отсюда – разграничение есть обратная сторона квалификации. Исходя из количества разграничительных признаков между составами преступлений, по В. Н. Кудрявцеву, выделяется три основных случая: 1) составы не имеют между собой ни одного общего признака (кроме вменяемости и возраста); 2) составы имеют малое число общих признаков; 3) составы имеют все общие признаки, кроме одного, именно который и является разграничительным [17, с. 126–128].

Разграничение преступных и не преступных правонарушений в области охраны окружающей среды – прерогатива законодателя. При этом нередко утверждается, что установление границ между экологическим преступлением и проступком обеспечивается при описании признаков рассматриваемых посягательств в Особенной

части УК РФ. Между тем в главе 26 «Экологические преступления» УК содержится ряд конструктивных признаков посягательств названной группы, которые не конкретизированы законодателем: «иные тяжкие последствия», «создание угрозы причинения существенного вреда для здоровья человека или окружающей среды», «массовая гибель животных», «причинение существенного вреда», «причинение значительного ущерба» и др.

Так, согласно абз. 3 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21, вопрос о признании размера причиненного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству существенным (ст. 247 УК) должен решаться судом в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств дела, а также экологической ценности утраченной или поврежденной территории, акватории или природного объекта, площади распространения загрязняющих веществ, уровня деградации земель, количества уничтоженных (поврежденных) водных биологических ресурсов, животных (с учетом изменения их генетического фонда или изъятия из естественной природной среды), лесных насаждений, сельскохозяйственных культур и т. п.

Очевидно, что при более широком или узком толковании таких оценочных признаков расширяется или сужается круг экологических нарушений, признаваемых преступлениями. Это обстоятельство в целом осложняет разграничение экологических правонарушений.

Как видно, проблема разграничения – это проблема различения правонарушений смежного характера, когда один из составов имеет признак (признаки), который отсутствует в другом, а другой – обладает признаком (признаками), отсутствующим в первом. При этом смежные правонарушения могут отличаться друг от друга по самым разным категориям признаков четырех элементов состава: объекту, объективной стороне, субъективной стороне и субъекту. В заключение также заметим, что разграничение преступлений и проступков в экологической сфере можно проводить как по юридическим признакам преступного деяния, так и по признакам, характеризующим проступок.

Библиографический список

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 470.
2. Аристотель. Соч. М., 1978. Т. 2. С. 66.
3. Цит. по кн.: Начала Евклида. М.–Л., 1948. Т. 1. Кн. 1–6. С. 368.
4. Колычев П. М. Категория соотношения. СПб., 2006. С. 11, 37, 98 и др.
5. Колычев П. М. Указ. соч. С. 17, 20.
6. Колычев П. М. Указ. соч. С. 29, 32.
7. Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки. М., 2005. С. 105.
8. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 567.
9. Кондаков Н. И. Указ. соч. С. 568.
10. Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 274.
11. Ивин А. А. Логика : учебник. М., 2000. С. 44.
12. Гетманова А. Д. Учебник по логике. М., 1994. С. 34–35.
13. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 2004. С. 478; Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2002. С. 343.
14. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 144.
15. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1. С. 160.
16. Голиченков А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов. М., 2008. С. 377.
17. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 126–128.

References

1. Philosophical Encyclopedic Dictionary. M., 1983. S. 470.
2. Aristotle. Op. M., 1978. T. 2. P. 66.

3. Qu. on the book: The beginnings of Euclid. M.–L., 1948. T. 1. The book. 1–6. P. 368.
4. Kolychev P. M. Category of the relationship. SPb., 2006. With. 11, 37, 98 and others.
5. Kolychev P. M. Decree. op. P. 17, 20.
6. Kolychev P. M. Decree. op. P. 29, 32.
7. Ushakov E. V. Introduction to the philosophy and methodology of science. M., 2005. P. 105.
8. Kondakov N. I. A logical dictionary-reference. M., 1975. S. 567.
9. Kondakov N. I. Decree. op. P. 568.
10. Hegel. Encyclopedia of Philosophical Sciences. M., 1974. T. 1. P. 274.
11. Ivin A. A. Logic : textbook. M., 2000. P. 44.
12. Getmanova A. D. A textbook on logic. M., 1994. P. 34–35.
13. Problems of the general theory of law and the state / under total. ed. V. S. Nersesyantsa. M., 2004. S. 478; Syrykh V. M. Theory of State and Law. M., 2002. P. 343.
14. The course of Russian criminal law: general part / ed. V. N. Kudryavtseva, A. V. Naumova. M., 2002. P. 144.
15. Course of Criminal Law: general part / ed. N. F. Kuznetsova and I. M. Heavy. M., 1999. T. 1. P. 160.
16. Golichenkov A. K. Environmental law of Russia: a dictionary of legal terms. M., 2008. P. 377.
17. Kudryavtsev V. N. General theory of the qualification of crimes. M., 1999. P. 126–128.

О ЦЕЛЯХ И СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Кленова Татьяна Владимировна,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С. П. Королева,